

сект. Анализ деятельности деструктивных и тоталитарных сект в европейских странах показывает насколько они представляют реальную угрозу обществу в целом и каждому человеку в отдельности и что мы находимся лишь на начальной стадии их агрессивного воздействия. В этом плане огромный интерес представляют не только опыт европейских правительств в решении данных проблем, но и наработки и исследования зарубежных специалистов в данной области.

1. Stark R., Bainbridge W. *The Future of Religion*. – Los Angeles, 1985. – P. 483.

2. Бангерский А. Франция объявила войну сектам // ИГ-Религии. – 2000. – 28 июля.

3. Артемьев А.И. *Формирование личности в обновляющейся религиозной и секуляризованной среде*

(теоретико-методологический аспект). – Алматы, 1993. – 51 с.

4. Дабжанова Ж.Б. *Теоретико-методологические основы исследования понятия «Религия» и деятельность религиозных, псевдорелигиозных организации и сект в контексте обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан // Проблемы религиозной идентификации в контексте национальной безопасности: материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию КазНУ им. аль-Фараби*. – Алматы: Казах университета, 2009. – С. 95.

Бұл ғылыми мақалада мемлекет және дін арақатынасының шетелдік тәжірибесі қарастырылады.

A foreign experience of interaction of the state and religion is considered in this given scientific article.

Л. Аскар

ЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ АЛЬ-КИНДИ

Родоначальником арабоязычного перипатетизма был, как отмечено выше, Абу Йусуф Йа'куб Ибн Исхак аль-Кинди (800 – между 860 – 879 гг.); латинизированная форма его имени – Alchindus. Он был не только философом, но и учёным-энциклопедистом (врачом, математиком и астрономом). Он получил почётное прозвание «философ арабов» и пользовался покровительством халифов аль-Ма'муна и аль-Му'тасима, правивших с 813 по 842 гг. Известно, что он оставил после себя более 250 трактатов, из которых сохранилось менее пятидесяти. Специального трактата по логике у него или не было, или же он до нас не дошёл. Исходя из того, что сохранилось, можно утверждать, что этот философ больше внимания уделял онтологии (метафизике) и гносеологии, чем логике. Тем не менее, о его логических воззрениях можно выработать более или менее адекватное представление.

Аль-Кинди первым в арабском мире выступил в качестве сторонника аристотелизма и комментатора учения Аристотеля. Но кроме Аристотеля он также воспринял ряд идей Платона, Плотина и пифагорейцев. Однако он не принял неоплатоновскую идею эманации, так как твёрдо придерживался той версии миротворения, которая представлена в Коране. Философия Аристотеля, помимо всего прочего, привлекла его, судя по всему идеей Перводвигателя последнего, так как она больше всего

соответствовала образу коранического Аллаха. Аль-Кинди утверждает, что Аллах «есть истинное бытие, кое никогда не было и не будет несущим, что он извечен и непреходящ, что он есть единое живое, не имеющее в себе ничего множественного, и что именно он – первая причина, у которой нет причины, действующая причина, у которой нет действителя, энтелехальная причина, у которой нет энтелехии, создатель вселенной из ничего, – тот, кто одни её части сделал причинами и условиями других её частей» [1, с. 115]. Нетрудно заметить, что аль-Кинди описывает Аллаха, так сказать, по-аристотелевски.

Он писал, что без книг грека Аристотеля «не обойтись человеку, желающему усвоить философию, овладеть ею и обосновать её...» [2, с. 41] Но прежде чем приступить к изучению этих книг, ищущий человек сначала должен ознакомиться с математическими науками, главными среди которых являются науки о числе. И тут аль-Кинди отдаёт дань Платону, который, в свою очередь, следовал пифагорейцам. Правда, к математическим наукам он относит также и астрономию («звездословие»). Но книги Аристотеля, отмечает аль-Кинди, следует изучать не как попало, а в строгой последовательности, поскольку эти книги, согласно ему, подразделяются на четыре вида. «Первый из этих четырёх видов – это книги по логике. Второй вид – книги по физике. Третий вид – книги о

том, что существует само по себе, что не нуждается в телах, но что существует вместе с телами, будучи соединено с ними одним из способов соединения. Четвёртый вид – это книги о том, что не нуждается в телах и совершенно не соединено с ними» [2, с. 42].

К логике у Аристотеля, отмечает аль-Кинди, относится восемь книг. К традиционно относимым трактатам он добавляет «Риторику» и «Поэтику». Ко второму виду он относит шесть естественнонаучных трактатов, к третьему – четыре трактата, главным среди которых является «О душе»; к четвёртому – «Метафизику». И физика, и метафизика заняты, согласно аль-Кинди, сотворённым миром. Различие же между ними состоит в том, что «физика есть наука обо всём том, что находится в движении, а то, что относится к области метафизики, ...не является чем-то движущимся. ...Метафизика есть наука о неподвижном» [3, с. 64 – 65].

Кроме этих четырёх видов аль-Кинди выделяет группу работ по этике, примыкающих к трактатам второго вида в том отношении, что без них они не могут быть правильно поняты. После этого он кратко излагает содержание выделенных им видов трактатов. Следует отметить, что он очень свободно владеет материалом. Он нигде не цитирует тексты, но и слепо не следует их содержанию. Аль-Кинди, прежде чем излагать учение авторитетного для него Аристотеля, вник во все его нюансы, и об этом говорит характер изложения. Возьмём, к примеру, трактат «Категории». В этом трактате сам Аристотель не даёт специального определения категорий. Аль-Кинди же даёт. Он пишет, что в данном трактате речь «идёт о категориях, т.е. о субстрате и атрибутах. Субстрат, – поясняет он, – это то, что называется субстанцией. Атрибут это то, что называется акциденцией. Атрибут, находящийся в субстанции, не даёт ей ни своего имени, ни своего определения» [2, с. 42]. Аристотель говорит о десяти категориях. Аль-Кинди пишет: «Имеется девять акцидентальных категорий, служащих атрибутами категории субстрата, или субстанции: количество, качество, отношение, место, время, действие, претерпевание, обладание и положение, или расположение чего-то» [2, с. 42-43]. Собственно говоря, аль-Кинди здесь перечисляет те же категории, которые перечисляет в четвёртой главе трактата «Категории» и Аристотель (см.: [4, с. 55]). Однако в данной главе Аристотель перечисляет все десять категорий, включая и сущность. Лишь в последующих главах становится ясно, что сущность для него – основная категория (субстанциальная, по аль-Кинди), а остальные суть её атрибуты (являются акцидентальными, по

характеристике аль-Кинди). Это ещё раз говорит о том, что родоначальник фальсафы отнюдь не следует рабски за авторитетом.

И. Кант, проследившая судьбы философии, отмечает, что после длительного застоя «на западе снова оживают науки, и в особенности изучение Аристотеля, которому, однако, следовало рабски» [5, с. 339]. Слова родоначальника классической немецкой философии слишком категоричны и по отношению к Западу. Надо вспомнить, что теологический и философский поворот к Аристотелю был совершён Фомой Аквинским, а это был весьма эрудированный и грамотный человек. Сам он рабски не следовал Аристотелю, а вот многие теологи и философы рангом по-ниже заслуживают характеристики Канта. Он пишет: «В XI и XII столетиях выступили *схоласты*; они *истолковывали* Аристотеля и *изошрялись* в тонкостях до бесконечности, занимались лишь пустыми абстракциями» [5, с. 339]. И тут он, конечно, прав.

Итак, можно с полной уверенностью утверждать, что аль-Кинди подходил к наследию Аристотеля как свободный исследователь. К тому же, если в трактате «Категории» Аристотель обнаруживает тенденцию истолковывать категории как языковые феномены (как роды высказывания), то аль-Кинди трактует их в онтологическом плане – как роды бытия. Это видно и по следующему его высказыванию: все познания человека «сводятся к знанию субстанции и её атрибутов. Первых простых атрибутов субстанций – два, а именно: количество и качество, ибо всякий атрибут субстанции бывает либо равным, либо неравным чему-либо – таково свойство количества, либо подобным или неподобным чему-либо – таково качество. Что касается сложных атрибутов субстанций, то их тоже два: либо это то, что познаётся без материи, либо это то, что познаётся вместе с материей» [2, с. 45]. Хочется обратить внимание на ту ясность, с какой аль-Кинди излагает свои мысли. Ведь читать Аристотеля с целью понять, что он хочет сказать, далеко не всегда легко. И это тоже говорит о высокой культуре мышления аль-Кинди.

Как и Аристотель, аль-Кинди выше всех других наук ставит метафизику, или первую философию (она же – наука о первой причине). У него есть специальный трактат «О первой философии». Для него приоритет онтологического содержания философии относительно других её содержаний (и, следовательно, разделов) очевидна. Онтологический аспект категорий для него важнее их гносеологических и логических аспектов. Согласно ему, «первым предметом знания, общим для всякого филосо-

фского знания, являются субстанция, количество и качество и поскольку первая субстанция, то есть чувственно воспринимаемое, в свою очередь познаётся через познание её первых атрибутов, то чувство воспринимает её непосредственно, а через посредство количества и качества. Кто лишён знания количества и качества, то лишён и знания субстанции. Прочное, подлинное, полное знание в философии есть знание субстанции» [2, с. 45]. Путь ко вторым субстанциям, отмечает аль-Кинди, проходит через познание первой субстанции. Таким образом, аль-Кинди рассуждает не только о категориях как формах, тождественных в их онтологическом, гносеологическом и логическом (содержательно-логическом) аспектах, но рассуждает и о взаимосвязи этих категорий, то есть рассуждает также и о *содержательной* логике. В своих сочинениях аль-Кинди рассматривает самые разные категории: единичное и всеобщее, часть и целое, материю и форму, конечное и бесконечное, возникновение и уничтожение, движение, причину и др. Рассуждая о категории причины, он пишет, что «всякий, кто изучает ту или иную науку, должен прежде всего исследовать то, что служит причиной предметов, исследуемых данной наукой. Если мы исследуем причину природных вещей, то мы обнаруживаем её... в первых началах природы, служащих причиной всякого движения. Природным, стало быть, является всё то, что находится в движении» [3, с. 64]. Аль-Кинди также признаёт объективное существование противоположностей и о возникновении их друг из друга. Он поясняет: «...Между противоположностями нет ничего среднего, причём под противоположностями я подразумеваю “это” и “не-это”...» [2, с. 48] Можно поэтому говорить не просто о содержательной логике в философии аль-Кинди, но говорить об этой логике как о своеобразной *диалектической* логике.

Вторая по значимости философская проблема, которой уделяет большой внимание аль-Кинди, это – проблема познания, то есть гносеологическая проблематика. Он выделяет два вида познания – чувственное и рациональное (разумное). Он пишет: «Первый вид познания ближе к нам, но дальше от сущности. Это – познание посредством чувств... Другой вид познания ближе к сущности и дальше от нас. Это – разумное познание» [3, с. 61-62]. Чувственному познанию доступно только единичное, тогда как разум постигает всеобщее. Целью познания является достижение знания. Аль-Кинди различает два типа знания. Одно достигается на трудном дискурсивном эксплицитном углублении в предмет познания и

вследствие этого восхождении к вершинам истины. Такое знание приобретается обычными людьми, включая и философов. Другой тип – это знание, «которое не требует ни исканий, ни трудов, ни человеческой сообразительности, ни времени. Примером тому служит знание, коим наделил Аллах (велик он и всемогущ) посланников божьих (да благословит их Аллах); он не требует ни исканий, ни трудов, ни исследования, ни сообразительности в математических науках и логике, ни времени, а достигается ими по воле его, великого и всевышнего, путём очищения и освещения собственных душ для истины благодаря его помощи, наставлению и внушению» [2, с. 46]. Иными словами, это знание, которое Аллах даёт в откровении. Такое знание получил, например, пророк Мухаммад.

Что касается дискурсивного знания, то, отмечает аль-Кинди, каждый человек по мере своих сил вносит свою лепту в общую сокровищницу знания. На эти знания, выработанные предшественниками и должен опираться исследователь-современник. И нельзя кого-то упрекать в том, что он в чём-то не достиг полной истины. «Упрекать в этом, – пишет аль-Кинди, – нельзя особенно потому, что и для нас, и для предшествовавших нам видных иноязычных философов ясно, что ни одному из людей ещё не удавалось надлежащим образом постичь истину собственными силами, а каждый из них либо вообще не обретал ни единой доли истины, либо из того, что достойно быть названо истиной, обретал лишь самую малую толику. Однако если собрать все эти крупинки, добытые каждым, кто добивается истины, то в итоге получится нечто внушительное по своему объёму» [3, с. 58]. «Из всего этого явствует, – отмечает философ, – что мы должны держаться драгоценного наследия обладателей истины» [3, с. 60]. На этих убеждениях базируется то, что аль-Кинди обратился к наследию древнегреческой философии и прежде всего – к философии Аристотеля как наиболее соответствующей (если, разумеется, её должным образом проинтерпретировать) духу ислама.

Но и это – не окончательная истина; и потому необходимы дальнейшие исследования. Таким образом, аль-Кинди понимает добываемую человеческим познанием истину как процесс, в каждом пункте которого истина не является окончательной и, следовательно, абсолютной, что она – всякий раз исторически относительна. И аль-Кинди высказывает суждение, которое запомнилось на века: «Нам не следует стыдиться одобрения и обретения истины, откуда бы она ни исходила – пусть даже от далёких от нас племён и от народов

несопредельных с нами стран. Для искателя истины нет ничего лучше самой истины, и не следует пренебрегать истиной и свысока смотреть на тех, кто её высказал или передал: истиной никого нельзя унижить – наоборот, истина облагораживает всякого» [3, с. 59]. Тем самым аль-Кинди утверждает общечеловеческий характер истины.

Выше мы отметили, что аль-Кинди основное внимание уделяет метафизике и гносеологии. В рамках этих разделов он важное значение придаёт категориальным характеристикам Бытия, которые у него предстают также и как формы познания и формы мышления. В своей совокупности они составляют содержательную логику, в которой можно обнаружить элементы диалектики (в её гегелевско-марксистском понимании). Возникает вопрос: уделяет ли аль-Кинди какое-либо внимание формальной логике? Анализ показывает, что уделяет. Однако этот анализ позволяет сделать заключение, что формально-логический арсенал у аль-Кинди не выделен в предмет специального исследования, а вплетён в ткань его онтологических и гносеологических рассуждений. Скорее всего, он, как и Аристотель, не считал данную логику особым разделом философии.

Произведя классификацию книг Аристотеля, аль-Кинди даёт краткую характеристику каждой из групп книг и каждой из книг, входящих в группы. К логике, как отмечено выше, он относит восемь трактатов Аристотеля, включая «Риторику» и «Поэтику». Обо всех трактатах, за исключением трактата «Категории» он высказывается буквально в нескольких словах (даже не выделяет хотя бы одно предложение), а на «Категориях» останавливается довольно подробно. Это, на наш взгляд, подтверждает наше положение о том, что для аль-Кинди данный трактат важнее других, так как он категории рассматривает не столько как «части речи» (как это у Аристотеля), сколько как объективные универсалии, то есть как относящиеся к содержательной логике.

Из мыслей, относящихся к формальной логике, можно привести следующие. Аль-Кинди пишет: «Всякое высказывание либо имеет какой-нибудь смысл, либо не имеет никакого смысла. То, что не имеет смысла, не может быть предметом исследования, а философия имеет дело только с тем, что может быть предметом исследования; заниматься же тем, что не может быть таким предметом – это не дело философии.

То, что имеет смысл, бывает либо всеобщим, либо частным. Частное не составляет предмета философии, ибо единичных вещей – бесконечное множество, а бесконечное не может быть познано исчерпывающим образом» [3, с.

74-75]. И ещё: «Всякое высказывание, обладающее смыслом, указывает либо на род, либо на форму, либо на единичное, либо на видовое различие, либо на собственный признак, либо на общую акциденцию. И всё это бывает либо субстанцией, либо акциденцией. Род, форма, единичное и видовое различие субстанциальны, а собственный признак и общая акциденция – акцидентальны» [3, с. 76]. Даже из процитированного видно, что философа не очень занимает сама по себе формальная логика. В этом он, конечно, отличается от Аристотеля.

Выше отмечалось, что Аль-Кинди допускает онтологическое существование противоположностей и их перехода друг в друга (возникновение одной из другой). Но в то же время он *отрицает* объективное существование противоречия и не допускает его в рассуждении. Противоречие для него – показатель неистинности суждения или рассуждения. Приведём лишь одно его рассуждение. Он пишет: «Перед каждым моментом времени имеется какой-то другой момент, и так продолжается до тех пор, пока мы не доходим до такого момента времени, до которого не было уже никакого момента, я хочу сказать: мы доходим до такого определённого периода, перед которым нет никакого определённого периода. Иначе и не может быть. Если же могло быть иначе, то за каждым моментом времени был бы другой момент времени, и так продолжалось бы до бесконечности. Но в таком случае никогда нельзя было бы дойти до некоторого данного момента времени, ибо длительность от бесконечности в прошлом до данного момента была бы равна длительности от данного момента и далее до бесконечного времени. А если известно то, что прошло от бесконечности до определённого момента, тогда то, что пройдёт от этого известного времени до бесконечного времени, тоже известно. И тогда бесконечное окажется конечным, а это противоречие» [3, с. 72]. И в этом он следует Аристотелю.

1 К корпусу логики арабоязычные перипатетики относят не только сочинения, входящие в «Органон» Аристотеля, но также «Риторику» и «Поэтику». В этой связи они исследуют риторический и поэтический силлогизмы.

2 Аль-Кинди уделяет существенное внимание не только формальной, но и содержательной логике. В десяти аристотелевских логических категориях он раскрывает также онтологический и гносеологический аспекты. Причём в отношении аль-Кинди можно говорить, что у него имеется не просто содержательная логика, но и элементы своеобразной диалектической логики.

1. Аль-Кинди. Объяснение ближней действующей причины возникновения и уничтожения // Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX – XIV вв. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961. – С. 115 – 132.

2. Аль-Кинди. Трактат о количестве книг Аристотеля и о том, что необходимо для усвоения философии // Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX – XIV вв. – М.:

Изд-во социально-экономической литературы, 1961. – С. 41 – 56.

3. Аль-Кинди. О первой философии // Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX – XIV вв. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961. – С. 57 – 106.

4. Аристотель. Категории // Аристотель. Сочинения. – В 2-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – С. 51 – 90.

5. Кант И. Пособие к лекциям. 1800 // Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – С. 318 – 444.

Б.Қ. Бейсенов А.Р. Игисенова

ШОҚАН УӘЛИХАНОВТЫҢ ДІНИ ІЗДЕНІСТЕРІ

Ағартушылық қазақ мәдениетінде оқу-ағарту және ғылым ісін алға дамытуды мақсат етіп қойған үрдіс болды. Шоқан Уәлиханов, Ыбырай Алтынсарин, Абай Құнанбаев, Шәкәрім Құдайбердиев, Ақмолла Мұхамметиярұлы, Әбубәкір Кердері, Мәшһүр Жүсіп Көпейұлы, Нұржан Наушабайұлы, Шәді Жәңгірұлы, Шәкәрім Құдайбердіұлы, Мақыш Қалтайұлы, Жүсіпбек Шайқысламұлы, Тұрмағамбет Ізтілеуов, Мұхамметсәлім Кәшімов, Ғұмар Қараш сынды ойшылдар қазақ елінің өркендеуінің жолын іздей отырып, ілім-білімді үйрену жолы деп санады.

Бұл дәуірдегі ақындар, ойшылдар мен зиялылар өз білімдерін медреселерде алып, ел мүддесі мен руханияты үшін күш-қайратын жұмсаған қайраткерлер болатын. Қазақ оқымыстылары мұсылмандық шығыс пен батыс мәдениетінің озық жетістіктерін терең меңгеру арқылы, ұлттық болмыс пен ұлттық ділдің ерекшеліктерін тереңінен тану арқылы өздерінің шығармаларының күш-қуаты мен рухани әлеуетін ұлттық-сана сезімді оятуға, рухани құндылықтарды жандандырып, өрлету жолына арнады. Қазақтың ойшылдары мен зиялылары Ресей отарындағы мұсылман халықтарының көшбасшылары тәрізді, ислам діні мен құндылықтарын отаршылдыққа қарсы бағытталған күрестің негізгі тірегі ретінде қабылдады.

Қазақ ағартушылығы қазақ ұлтының бүгінгі тағдыры мен болашағы туралы толғанып, халықты рухани ояту және келеңсіз мінез-құлықтан жаңару мен арылу ұлттық құндылықтарды баянды ету жолына қызымет етті. Олар ұлтты бірлік пен ынтымақты тірлігін, дәстүрі мен ұлттық рухты серпілту тарихи сананы сілкіндіру, отаршылдық қанаудан қорғану мақсатында ұлт руханиятын сақтауды қасиетті міндет деп санады. Шоқан, Ыбырай, Абай қазақтың қоғамдық ой-санасындағы

ағартушылық философиясының өкілдері ретінде қарастырылып келді. Аталған үш ғұламаның дүниетанымы мен шығармашылығы туралы Ғарифолла Есім: «Шоқан Уәлиханов, Ыбырай Алтынсарин, Абай Құнанбаев ағартушылар деп анықталды, ал шынында бұл үшеуі жұртқа ұлттық үлгінің үш түрін ұсынған ойшылдар. Үшеуі бір ұғымға, бір арнаға сыймайды, ол үшеуін біріктіріп тұрған бір-ақ мәселе, ол үшеуінің де жұртқа үлгі ұсынулары» - деп, көрсетеді [1].

Шоқан Уәлиханов этнология, фольклор, география, шығыстану, әскер ісі, өлкетану және тағы басқа салаларда жемісті еңбек еткен, қазақ мәдениеті мен ғылым тарихындағы көрнекті тұлға. Шоқанның көп салалы шығармашылығы күні бүгінге дейін зерттелу үстінде. Оның дінтанулық ізденістерін талдау бүгінгі таңдағы дінге деген қызығушылықтың өсіп отыруымен байланысты. Шоқанның сан-салалы ғылыми еңбектерінде дін мен сенім мәселесін де назарынан тыс қалдырмаған. Шоқан Құсмұрында мұсылманша сауатын ашып, 12 жасында Омбыдағы Сібір кадет корпусына оқуға түсіп, мұнда орыс, француз, неміс, парсы, түркі тілдерін оқып үйренеді.

Шоқан шығыстың жұлдызы жарық тұлғасы ретінде туғанхалқының мұрасын зерттеумен шектелмей, көрші халықтар мен өлкелердің рухани мұрасын қамтыған, яғни көптеген ұлттар үшін кәдеге жарайтын ғылыми еңбектер жазды. Шоқанның кіндік қаны тамған жері, өмір белестерінің кей тұстарына қатысты мәселе лер шоқантануға бүгінге күнге дейін тала тудырып отыр. Шоқан ғылым тарихындағы көрнекті тұлға, қазақ санасын сілкіткен рухани шамшырақ. Қазақ халқының тағдырына біткен жарық жұлдызы. Сондықтан да Шоқанның еңбектерін зерттеу мен бағалау, зерделеп, насихаттап бүгінгі буын үшін маңызды. қазақтық классик жазушысы